

Корчагин Матвей Андреевич
Тюменский государственный университет
Институт Государства и Права
Россия, Тюмень
matvey.cor2016@mail.ru
Korchagin Matvey
Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА И КИБЕРФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в настоящей статье автор поднимает правовую проблему в определении правосубъектности у таких достижений научно-технического прогресса как искусственный интеллект, робот, киберфизическая система. На конкретных казусах показывается необоснованность и преждевременность наделения вышеперечисленных явлений правосубъектностью. При этом, автор предлагает критерии, по которым возможно уже сейчас разграничить ответственность за вред, причиненный киберфизической системой между её собственником и изготовителем.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, робот, киберфизическая система, причинение вреда.

LEGAL PERSONALITY OF AN INDIVIDUAL AND CYBERPHYSICAL SYSTEMS, ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation: in this article, the author raises a legal problem in determining the legal personality of such achievements of scientific and technological progress as artificial

intelligence, robot, cyberphysical system. In specific cases, the unreasonableness and prematurity of endowing the above-mentioned phenomena with legal personality are shown. At the same time, the author suggests criteria by which it is already possible to distinguish responsibility for harm caused by a cyberphysical system between its owner and the manufacturer.

Key words: legal personality, artificial intelligence, robot, cyberphysical system, causing harm.

Правосубъектность физического лица как цивилистическая конструкция известна со времен римского права, рецепцию которого осуществили большинство развитых на сегодняшний день правовых систем континентальной правовой системы. Классически в категорию правосубъектности включают три элемента: правоспособность, дееспособность, деликтоспособность [1, с. 206].

Поводом для новых рассуждений в вопросе правосубъектности физического лица являются достижения научно-технического прогресса, в том числе появление таких явлений как искусственный интеллект, робот, киберфизическая система. В связи с чем, возникают две группы обоснованных вопросов. Во-первых, могут ли роботы, искусственный интеллект в будущем признаны субъектами правоотношений, в частности субъектами гражданских прав? Во-вторых, могут ли киберфизические системы, имплантируемые в человека и влияющие на его сознание иметь самостоятельную правосубъектность или совместную с физическим лицом и отличную от правосубъектности «обычного» физического лица?

Следует оговориться, что под киберфизическими системами далее будут пониматься именно те результаты интеллектуальной деятельности, которые после их внедрения в биологическое тело человека способны частично или полностью работать автономно [2, с. 53]. Иные киберфизические системы, находящиеся под полным контролем сознания человека, сами по себе никак не

вливают на правосубъектность последнего (например, вживленный в тело человека чип для открывания магнитных замков или дверей).

Во избежание излишних слов, хочется вначале выразить авторское отношение к рассматриваемому вопросу и далее продолжить свою работу конкретной аргументацией.

По мнению автора, в настоящее время наделять киберфизические системы особой правосубъектностью или каких-либо образом корректировать правосубъектность физических лиц, имеющих соответствующие системы, не представляется целесообразным, несмотря на сегодняшний темп научного и технологического развития.

Давайте представим следующую, пока ещё вымышленную ситуацию: физическое лицо внедрило в своё тело киберфизическую систему, которая в целях поддержания порядка в доме отслеживает наличие долго неиспользуемых вещей стоимостью до 20 000 рублей и продает их через маркетплейсы другим лицам. При этом, фактическую передачу таких вещей осуществляет сам человек, однако полностью неосознанно, находясь в обладании искусственного интеллекта такой системы.

По известному римскому высказыванию «право – это искусство добра и справедливости», фактически право необходимо именно тогда, когда произошло нарушение. Именно в этот момент лицо обращается к такому социальному регулятору для справедливого разрешения конфликта (спора).

В связи с чем, находясь в поиске ответа на главный вопрос о правосубъектности, следует представить ряд нарушений, которые произошли в вышеприведенной модельной ситуации.

Представим, что впоследствии физическое лицо осознало, что киберфизическая система осуществила отчуждение очень ценной не по денежному выражению для него вещи. В связи с чем, такой человек предпринимает попытку вернуть вещь через оспаривание сделки,

следовательно, возникает вопрос о её действительности. Как известно, условиями действительности сделки являются:

- законность её содержания (соответствие требованиям законодательства);
- способность субъектов, совершающих ее, к участию в сделке (дееспособность);
- соответствие воли и волеизъявления;
- соблюдение формы сделки [3, с. 350].

Следует подробнее остановиться на воли (волеизъявлении) и разобраться выражало ли их физическое лицо в рассматриваемой ситуации.

С одной стороны, можно настаивать на том, что человек находился полностью под управлением киберфизической системы, не мог отдавать отчет своим действиям, а все действия в рамках преддоговорных и договорных отношений осуществил искусственный интеллект такой системы. В качестве аргументов можно будет представить соответствующие технические характеристики, паспорт такой киберфизической системы, при наличии возможности привлечь соответствующую экспертную организацию.

Однако, оценивая право, как искусство добра и справедливости, следует оценить ситуации со стороны контрагента. Такой покупатель вещи в момент её приобретения не знал и не должен был знать, что решение об её отчуждении принимало не физическое лицо самостоятельно, а внедренная в него киберфизическая система. При этом, оспаривание подобных сделок только по указанному основанию подвергает гражданский оборот к крайней нестабильности и незащищенности его участников.

Также в пользу сохранения (действительности) сделки можно привести аргумент, что именно в момент приобретения соответствующей киберфизической системы и её вживления в тело физического лица произошло волеизъявление такого лица на делегирование искусственному интеллекту части своих гражданско-правовых правомочий по совершению определённых

сделок. Как было указано выше, автор настоящей работы считает нецелесообразным наделять такую киберфизическую систему самостоятельной правосубъектности и присваивать последней статус субъекта гражданских прав, в связи с чем, вышеописанную ситуацию нельзя квалифицировать в качестве отношений между представляемым и представителем, а, следовательно, превышение последним своих полномочий с применением соответствующих последствий в соответствии со ст. 183 ГК РФ [4].

Следующий аргумент в позицию против наделения киберфизической системы самостоятельной правосубъектностью или корректировки правосубъектности его носителя (физического лица) находится таком элементе как деликтоспособность.

Под деликтоспособностью понимается способность лица самостоятельно нести ответственность за вред, причинённый его противоправным деянием (действием либо бездействием).

В ситуации, когда субъект гражданского права (физическое или юридическое лицо) добровольно не исполняет обязательства, кредитор, чьи права и законные интересы нарушены соответствующими действиями (бездействиями) должника, вправе обратиться в суд, далее в рамках принудительного исполнения потребовать удовлетворения своих требований.

Если же имущественной массы должника недостаточно, то кредитор при соблюдении определенных условий вправе обратиться с заявлением о признании такого должника банкротом в соответствии с положениями ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и в рамках конкурсного производства после реализации имущества должника удовлетворить частично или полностью свои требования [5].

Возвращаясь к киберфизическим системам, возникает логичный вопрос: если мы наделим киберфизическую систему частично или полностью правосубъектностью, возможно ли с неё взыскать убытки в пользу кредиторов? Обладает ли последняя имущественной обособленностью?

В настоящее время ответ однозначно отрицательный. В таком случае, возникают ситуации, что, если киберфизическая система причинила вред (убытки) физическому или юридическому лицу, то последний оказывается в незащищенном положении, так как никакими самостоятельными активами, на которые возможно было бы обратить взыскание, такая киберфизическая система не обладает.

Также субъекты гражданского права не только приобретают и осуществляют гражданские права, но и отстаивают и защищают их различными способами защиты (ст. 12 ГК РФ). Однако киберфизические системы не способны на настоящем уровне научного и технологического развития самостоятельно использовать защитными механизмы.

На основании вышеизложенного, на сегодняшний день наделить системы особой правосубъектностью или каких-либо образом корректировать правосубъектность физических лиц, имеющих соответствующие системы, не представляется обоснованным и целесообразным. Однако с каждым днем будет появляться все больше случаев внедрения таких систем в тело физического лица, а, следовательно, повышается риск нарушения такими «модифицированными» лицами прав и законных интересов других участников гражданского оборота как в рамках обязательственных и вещных, так и в рамках внедоговорных отношений [6, с. 34].

Следовательно, если никак не корректируются положения Гражданского кодекса РФ относительно правосубъектности, то кто же несет ответственность за самостоятельные действия искусственного интеллекта или киберфизических систем? Справедливо ли всегда (по умолчанию) привлекать их собственников?

В вопросе категорий, если искусственный интеллект или киберфизические системы не субъекты, следовательно, они являются объектами гражданских прав, а именно вещами в понимании ст. 128 ГК РФ. Значит ранее они были приобретены у соответствующих продавцов (производителей) по договорам купли-продажи.

Действующая Глава 30 Гражданского кодекса РФ содержит целый ряд норм, касающийся ответственности продавца за продажу некачественного товара, в том числе несения последним гарантийных обязательств перед покупателем [7].

Более того, существует возможность привлечения продавца к ответственности и на основании общих положений первой части ГК РФ. Возникает логичный вопрос, как в отношении систем искусственного интеллекта или киберфизических систем разграничить ответственность за вред, причиненным ими, между собственником таких вещей и продавцом (производителем)?

Кто именно будет ответственным, суду следует решать в каждом случае индивидуально на основании заключений соответствующих экспертиз. Так, если причиной причинения вреда стали ошибки в конструировании или программировании, то ответственным будет продавец (изготовитель). В свою очередь изготовитель вправе предъявить регрессный иск к лицам, непосредственно принимавшим участие в создании такой киберфизической системы, например, к разработчикам или программистам.

В свою очередь, собственник понесет имущественную ответственность, если неправомерно внес корректировки в программное обеспечение искусственного интеллекта или киберфизической системы или же сам лично, без участия третьих лиц, создал их.

Таким образом, одной из самых сложных задач в правоприменительной деятельности станет правильное определение субъекта ответственности.

В заключении необходимо хочется отметить, что в настоящее время все развитые правовые порядки находятся только в начале пути по распространению правовых норм, в частности норм гражданского законодательства, на такие результаты технического процесса, как искусственный интеллект и киберфизические системы, а, следовательно, все самое сложно, но при этом и самое интересное только впереди.

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. 206 с.
2. Чубукова С.Г. Квazисубъекты в киберправе / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 2(102). – 53 с.
3. Гражданское право: учебник. в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 350 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Попова, А. В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования / Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 3(61). – 34 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».